

Сергей
Котов

НАД БЫСТРЫМ ИРТЫШОМ

Поэма

В России мало или даже вовсе не знают сибирских казаков. Мы, вообще, гораздо больше интересуемся жизнью наших инородцев и знаем эту жизнь лучше, чем жизнь наших казаков – жизнь, полную трудов и лишений, жизнь, целиком отданную русскому народу и государству.

*Тонконогов И. А. Наши казаки на Дальнем Востоке. Санкт-Петербург, 1907 г.
(ГАВКО, фонд Петрова В. И.)*

Часть 4. КРАСНЫЕ И БЕЛЫЕ*

1. 1918. БЕЛОВОДЬЕ

Чтоб сын на отца,
чтобы брат шел на брата,
Дели их и властвуй!
Пусть сгинут в войне!
Железною поступью пролетариата
Идет диктатура по божьей стране.

Уже в Семиречье кровавая баня,
Горят Оренбуржье, Урал и Сибирь,
На вольном Дону льется кровь,
на Кубани.
Горит беспросветная русская ширь.

И лишь в Беловодье покуда затишье.
Пушнина с Алтая да рыба с реки –
Как в каменной чаше,
в своем Прииртышье,
Зажиточно в крае живут казаки.

Не снег опадает на берег скалистый, –
Гусиное племя по-над Иртышом
Летит, окликающая Гусиную Пристань,
И пойменный луг осыпает пером.

К родным берегам
возвращаются птицы.
Курлычут, щебечут,
приветствуют край –
Родные поселья, аулы, станицы,
Луга и предгорья, Иртыш и Алтай.

Здесь гогот, и гомон,
и клик журавлиный,
Здесь щебет весенний,
галдеж, кутерьма.
Алтай оживает, как витязь былинный.
Невестой бежит к Иртышу Бухтарма.

В Вороньей сороки
с вороньим отродьем
Горланят сварливо за каждый валун,
За каждую ветку. Весны половодье!
Размашисто, гордо бежит Тургусун.

*Первые три части поэмы опубликованы
в № 6, 2015 г.*

К Берели летят и к станице Алтайской,
Где церковь,
как черная лебедь, плывет –
Листвяжная крепь,
о земле этой райской.
Так издревле звал эту землю народ.

Весной, как закончился шум ледохода,
Узнали в краю про Советскую власть,
Когда коммунары сошли с парохода.
– Царя порешили! Вот это напасть!

Косилась на пришлых
Гусиная Пристань.
– Сам Ленин,
голодный послал Петроград!
К селу Снегиреву пошли коммунисты.
Их встретил тревожный
и долгий набат.

Душа разрывалась
от жутких тех звонов.
– Послушай, Петров, а куда мы идем?!
Я лучше назад!
Здесь, – сказал Пошехонов, –
Советскую власть
не сыскать с фонарем!

– «Здорово живете!» –
скажи старOVERу,
Себя осеняя, чтоб бородачи
Приветили вас по старинной манере,
Иначе, насупясь, молчат, как сычи.

Они на компартию
смотрят с презреньем.
С уставом своим –
да в чужой монастырь!
На лицах – насмешка зловещею тенью,
И крестят, как будто пред ними упырь.

Здесь древняя вера на крепких устоях,
Казак и крестьянин здесь сыт и богат,
Средь них агитировать –
дело пустое,
Им речь о коммуне,
что мертвым – набат!

– Но капля за каплей и камень источит!
А ты, Пошехонов, собрался – иди! –
Ответил Петров, – я не буду пророчить,
Но наша победа у нас впереди!

2. 1919–1920. ПРОДРАЗВЕРСТКА

Три дня с Бердыбая шел ветер тяжелый
И пал, изойдя, словно загнанный конь.
В тот год так же свадьбы
играли по селам,
И вроде бы так же бродила гармонь...

Полынную горечь таило веселье,
И не были песни, как раньше, легки.
Шли в пьянку, как в бой,
и в глухое похмелье
Крещенные кровью фронтовики.

Семейные больше сидели по хатам:
– С нас хватит
и этой безумной войны! –
И жались к детишкам
да бабам брюхатым,
И каждый держался своей стороны.

Пылились забыто мундиры с крестами,
На стенах без дела висели клинки.
Бурчал Федосей, недовольный сынами:
– Мы сами пойдем, коли вам не с руки.

Как дома, обжились
в краю коммунары.
Дождетесь, вас жареный клонет петух!
Гоняли деды, чтобы выпустить пару,
Попавших под руку сварливых старух.

– Пора бы, довольно уже канители,
А то новоселы возьмут в оборот,
Накрутят чубы вам хохлы с Сарабели,
Там тоже не сахар – бывалый народ.

Василий молчал. Задевало Андрея:
– С цепи, что ль, сорвался...

Ты, батя, кого?
Мы всяких видали! Набьем им по шее.
Не так страшен черт, как малюют его!

– Они свои силы в кулак собирают,
Как дружная стая, гуляют в горах.
А дружные вороны гуся съедают!
Небось, не горшки – голова на плечах...

По семьям казачьим –
межа разногласий.
У красных алтайских у Горных Орлов
Уже целый полк. Тимофеев и Стасий
Им правят, а также Иван Воробьев.

Да, ворон седой зря не каркнет впустую, –
Как в воду глядел пожилой Федосей.
Советская власть в эту зимушку злую
Прошла, что метель, по окраине всей.

В краю Белых Вод,
в устье Каменогорска
Из центра декрет принимал телеграф:
«ОБЪЯВЛЕНА
ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ
РАЗВЕРСТКА»,
Страну под себя
волчьей хваткой подмяв.

– Ну, что?
У кого там ломились амбары?
Держись! На кого мы тут гнули хребет?
Идет комячейка по Чистому Яру,
И в кожаной курточке Вайнер идет.

У Вайнера маузер черный в кармане.
Картавит, как ворон.
По локоть в крови.
От хлеба трещат, перегружены сани.
– Эй, рыжий, Петра Соколова зови!

Неделю ссыпали зерно Соколова,
Устали, как черти, возя со складов.
– Она, голытьба,
жить на всем на готовом
И то не способна, – ворчал Соколов.

Зерно выгребали весь день
у Портновых.
Два дня – у Тюменцевых,
три – Шульгиных.

Жалеть не жалели –
ни старых, ни вдовых.
У Вайнера не было жали к живым.

Он знал, словно вывеску,
правду простую:
Жива революция только в борьбе!
И был интерес выгребать подчистую –
Десятая часть или четверть – себе!

Молчало, терпело еще Беловодье.
А кто не доволен, того – под арест.
Зубами скрипели:
«Казацье отродье!
Загоним на место, как кур на насест».

Когда опустели в станице амбары,
Имущество брали,
трясли сундуки,
Рядились, рваньё заменив, в шаровары.
Вот тут приуныли у нас казаки.

3. ВОССТАНИЕ 1920 ГОДА НАЧАЛО

В середине июля пекло, как в жаровне.
Что бабе брюхатой, земле тяжело.
Березы, как женщины
к службе церковной,
Наряжены в праздник – сияют светло.

Шумит тополей богатырское племя.
Куда растерял свои песни, Иртыш?
Разверсток, повинностей тяжкое бремя.
Что кроет в себе затаенная тишь?

Шумели на сходнях:
«Мы даже не ровня,
Что пасынки дома!» – судачили зло.
Набухло, и, вызрев обидою кровной,
Как будто запруду в июль прорвало.

– Сидят в комячейках бродяги да воры
И правят заправски с лихой голытьбой.
А мы, словно суслики,
спрятались в норы –
А тятку бить легче, известно, гурьбой!

– Сулили нам благ –
 нету их и в помине!
 Землищи, хоть ешь!
 Ну, куда нам земли!
 Как малых детей, провели на мякине,
 А мы простотою своей помогли.

– За «здрраво живешь»
 весь народ обманули!
 Но разве у нас притупились клинки?
 – Айда! – загудев,
 как встревоженный улей,
 Поднялись на клич, как один, казаки.

Из Большенарыма пошел перекатом
 Тот гуд, будто стая
 встревоженных птиц,
 Дремотную тишь
 разрубив тем набатом,
 Подняв на восстание десять станиц.

– Долой коммунистов! –
 и люд недовольный
 Вскипел, этой властью раздет и разут.
 Стегая, как кнут, ударял с колокольни
 Стенящий набатный
 пронзительный гуд.

Пошли, атаману Бычкову доверясь,
 Бок о бок, развесив над сотнями пыль,
 Как рыба идет косяками на нерест,
 Одни – на Зыряновск,
 другие – в Урыль.

Уставшие верить в пустые посулы,
 Которым цена-то на ломаный грош,
 Поднялись деревни, примкнули аулы:
 – Долой продразверстку
 и прочий грабеж!

И Вайнер был первым
 из прочих расстрелян.
 А тот, кто разверстку чинил, –
 под арест.

И снова сошлись Чистый Яр
 с Сарабелью.
 Кричали, стреляли, рубились окрест.

В середине июля пекло, как в жаровне.
 Запомнил Иртыш,
 как сошлись с двух сторон
 Казачий отряд у станицы Вороньей
 И сводный червонный
 большой эскадрон,

Как шашки блеснули,
 и звень расплескалась.
 Людей нарубили, голов кочаны
 Удобрали землю.
 И смерть приласкалась
 Ко многим верней и надежней жены.

Батинский лихой казачина Ковригин,
 Чубастый цветок головы потеряв,
 Скакал безголовый. Застывшая в крике,
 Башка покатила по выцвени трав.

Как беркут, на жертву свою налетая,
 Вязигин Василий, рубака лихой,
 Шел в самую гущу: «Холера вторая!» –
 С потягом рубил он набитой рукой.

С ним рядом Андрей.
 Их отцу Федосею
 Не просто в бою за сынами успеть.
 Но если он взялся, да тушею всею –
 Сломает, громадина эта, медведь.

Браты Столяровы и Галкин Порфирий,
 Шульгин, Сенотрусов,
 Знобищев, Ельцов...

Тут пол-Прииртышья
 казачьих фамилий,
 Здесь целые семьи из братьев, отцов.

Рубились нещадно, врага не жалея,
 Как рубят капусту к зиме на засол.
 Там красный погиб командир
 Тимофеев

И Геель-чекист под раздачу пошел.

Порфирий был в гуще,
 в нем ран, будто в сите,
 На грани – ни мертвый лежит,
 ни живой.

– Братушки, вы сотника не растрясите,
Стелите помягше, везите домой.

У красных из сотни
спаслись только двое.

Шестнадцать в бою казаков полегло.
Над жирной,

напитанной кровью землею
В то лето нещадное солнце пекло.

Не ветер ласкает станицу Воронью,
Не песни разносит бегучий Иртыш, –
Там грают вороны,
насытившись кровью,
Пугая полынную горькую тишь.

4. КОНЕЦ ВОССТАНИЯ

Жарынь угасала к темну.

На ущербе
На спелую дыню похожа луна.
Над берегом сучась,
станичники щербу
Хлебали наваристую из сазана.

Валились от усталости трудной,
смертельной,

Не чокаясь пили, справляя помин.
Копченой
и жиром лоснящейся нельмой –
Делился добром
припасенным Шульгин.

Своих поминали – земля будет пухом!
Пил разом налитый с горою стакан
Приземистый, крепкий,
отчаянный духом,
Палагин – батинский лихой атаман.

– Когда в Бухтарминской бы
нас поддержали,

Мы враз коммунистам
сломали б хребет.

Да, нам будет трудно!
Победа едва ли
Нам дастся без них.
Но возврата нам нет!

Назавтра в Воронью
вступало две роты,
Их Федоров вел, боевой военком.
С вилами, берданками на пулеметы
Восставшие шли
под смертельным огнем.

Еще пароходы людей подвозили.
Патроны пришли, не смолкал пулемет.
Сдалась Черемшанская.

В облаке пыли
Ушли казаки, что прикрыли отход.

И четверо суток
шел бой самый жаркий –
Всего девятнадцать
прострелянных верст –
Как вечность – за Малую Красноярку,
За этот старинный казачий форпост.

А дальше – уже как смертельная рана.
Сжималось пространство
на Большенарым.
Полк красных стрелков
подходил от Зайсана
Горами, и часть – по дорогам степным.

Повстанцы
шли целыми семьями в горы.
Когда вдоль станиц проходили стрелки,
В упор –
«затаенно-враждебные» взоры
Казачек, и злобно глядят старики.

Примкнули к стрелкам
и бойцы с Сарабели.
Не ждали победы, а вот – довелось!
– Сровнять Чистый Яр бы! –
зубами скрипели.
Станица – как в горле
застрявшая кость.

Повстанцы скрывались
в лесах, по заимкам,
В ущельях, пещерах, ушли на «белки».
Утрами все горы затянуты дымкой –
Костры жгут крестьяне и жгут казаки.

Бычков-атаман проходил по Берели.
За ним коммунисты, разграбив дома,
Сжигали. Там заживо люди сгорели,
И кони, и хлеба сто тонн в закромах!

Аресты, бесчинства,
грабеж и расстрелы.

Зажиточных – к стенке.

Дома – голытьбе.

Кругом комячейки творят переделы,
Хозяйство и вещи богатых – себе!

Еще будут долго в горах партизанить,
Громить комячейки на их же беду,
Рубить коммунистов.

Свежа еще память

В двадцатом повстанческом
страшном году.

Часть 5. ИСХОД

1. РАССТАВАНЬЕ

Вот месяц ущербный блеснул,
словно рыба,

И скрылся за тучей,
как хищник речной.

Тяжелая ночь навалилась, как глыба.
Кромешная тьма –
над казачьей судьбой.

Бегом, впопыхах, все на скорую руку.
Не ужин с семьей – перехват на ходу.
Не хлеб ты вкушаешь, казак, а разлуку,
Не чарку с вином пригубил, а беду!

Кохать не жену приведется, а шашку,
Лелеять журбу, а не мать, не отца.
Жена отворот от тоски в твою фляжку,
Любя, наведет на настой чабреца.

Чтоб родиной пахло, любимой станицей,
Чтоб сердце не выела жгучая злость,
С душистой полынью

родимой землицы

Возьми у околицы полную горсть.

Тебя сохранит эта тяга земная
От лютой печали, гремучей тоски,
За тридевять чуждых земель сберегая,
И будут дороги чужбины легки.

Нет в мире сильней
материнской молитвы!

В гайтан пусть вошьет
сей невидимый щит!

Она сбережет
на полях страшной битвы,
От пули дурной казака сохранит.

Но будет надежней и легче в дороге,
Когда ты наказ не забудешь отцов:
– В час трудный и легкий

ты помни о Боге,
Будь верен присяге, ты – воин Христов.

Вязигин Василий склонился
над зыбкой.

Родная кровинка похожа точь-в-точь:
Глаза с синевой, эти губы, улыбка...
Лишь глянешь, и скажешь –
Василия дочь!

Как вылили... Волос густой.
Две макушки –
На счастье – примета. И ломкая бровь.
Усами уткнулся в ее завитушки:
Продлилась Вязигиных бойкая кровь!

Он дочку и в щечки целует, и в глазки.
Слеза прокатилась по жесткой щеке.
– Видать, без отцовской
ты вырастешь ласки...
И смута в душе, словно рябь по реке.

Василий прощался с супругой Ириной:
– Душа на распутье,
что делать с душой?!

Уйти и смириться с тоскою-кручиной,
Весь мир потерять, но остаться собой?!

Остаться? Предать!
В вековечном разладе

С собою самим до скончания жить!

Врагу поклониться, моля о пощаде...
Вот только себя не смогу я простить!

Кругом перепутье, холера вторая!
Что в прорубь под лед,
что башкою в петлю!

Как эхо, душа откликалась родная:
– Тебя я любого до смерти люблю!!!

У брата Андрея по жизни все проще:
Лишь кони да служба одна на уме.
По грудь
огневой бородищей заросший,
Махра да сухарь в переметной суме.

Удачу он с детства к седлу приторочил,
А лихость и шашка –
заместо жены.

Прабабка глухая шептала, пророча:
Повадками в деда – рожден для войны.

Как вскормлен волчицей –
хранил хладнокровье

В бою ледяное, играя с судьбой.
И сердце, на ласки охочее, вдовье,
Тянулось к нему с перезрелой тоской

На силу природы его звероватой.
Он брал без отдачи и с трезвой душой.
Словам этим бабьим

с любовною мятой
Не верил,
к душе не пустив ни одной.

Служилый, до мозга костей он вояка.
Нажил накоплений –
крестов да рубцов.
Терпеть он не мог
тех, кто мыслит двояко.
Мир был красно-белый,
без лишних цветов.

Он мог бы простить
неродному кому-то,

Но брата родного понять не готов.
В ту ночь, не почуяв сердечную смуту,
Не внял непростой околесице слов

Про то, что пора бы
с судьбою смириться,
Ведь плетью-то обуха не перебьешь,
Что будет с семьей
в опустевшей станице?
Подумать-то страшно,
что по сердцу нож!

А в детстве не раз
он вытаскивал брата,
Сигая в стремнину, спасал в Иртыше!
Той ночью их путь
раскололся, разъятый,
Кровавой межой по сердцам, по душе.

Эх, кабы нам знать,
выходя к раздорожью
Без стрелок на камне, без веры в пути,
Где будет дорога не Божья, где Божья?
И как той дорогой достойно пройти?

Присели, как следует, перед дорогой.
Обнялись с родными.
– Храни же вас Бог!
Тяжелую тишь вперемежку с тревогой
Оставили в доме, уйдя за порог.

2. В КИТАЙ

Бурлил Чистый Яр
пред дорогою дальней.
Закрыты пути – не пролезет и мышь.
И снова – меж молотом и наковальней.
Шли вплавь на конях
через быстрый Иртыш.

Здесь детство прошло.
В камышовых протоках
Гусей добывали, налимов и щук.
Здесь, в лагере летнем,
на первых уроках
Учились основам казачьих наук.

Играли, выросли,
влюблялись, любили.

Ватагою весь исходили Алтай.
Отсюда они на войну уходили.
Теперь вот уходят за горы, в Китай.

Вязигины, Шеин,
Шульгин, Столяровы,
Тюменцев, Юданов,
Знобищев, Попов...
Ни песен, ни шуток, ни легкого слова –
Лишь конское ржанье да цокот подков.

И сколько тоски,
непечатой и горькой,
В пути невозвратном
хранилось в сердцах
Колодезной ранью
той утренней зорькой
В то росное лето в Алтайских горах!

Все выше –
в свой путь уходили тернистый
И шли к небесам, на Голгофу свою.
И вот есаул, бородастый, плечистый,
Сказал: «Мы вернемся! Я слово даю!»

«Вернемся!» –
за ним казаки повторили.
А эхо стократ закрепило зарок.
Ту весть вперейбой
на хвостах разносили
Сороки по всем перекресткам дорог.

По сердцу пришелся тот клич есаула,
Как будто бы сбросила камень душа.
И сотня старинную песнь затянула,
Ту песню несло к берегам Иртыша.

На узком своротке, своих пропуская,
Вдруг спешился Вася Вязигин к коню.
– Ослабла подруга, холера вторая...
Езжайте, ребята, я вмиг догоню!

И если бы только все дело в подруге!
У рощи, на узком своротке у скал,
Он, лихостью мечен,
шалью подругой,
Не зря в этом месте от сотни отстал.

Коня развернув, он пустился стрелою,
Пригнувшись к заправку,
под гору, назад.

Три раза нащупывал темя родное
Сквозь мушку прицела
рассерженный брат.

Три раза стрелял по нему
и в четвертый
Вдогонку звенящую пулю послал.
Все метил ему под околыш потертый,
Чтоб брата-предателя снять наповал.

– Будь проклят! –
И эхо несло по ущелью,
Стократ проклиная. –
Ты больше не брат!
Вдали, переправившись

под Сарабелью,
В погоню поднялся червонный отряд.

– Кажись, пронесло! Эх, холера вторая!
Спасибо, родимый ты мой Воронок!
Он гладил коня, на груди прикрепляя
Багряную ленту, что прятал в сапог.

Одни в этот день в небеса восходили,
Другой – опускался к родным берегам.
А красная конница в облаке пыли
Рысила навстречу по свежим следам.

3. ПОСЛЕ БУРИ

*Матушка Пресвятая Богородица,
Помощница, помоги мне, пособи мне
В первом деле, в первом часе.
Идет Исус Христос к тебе навстречу.
Куда, мой Божий Сын, идешь?
Иду к рабу божью Порфирию
Кости выпрямлять,
Жилы вытягивать,
Буйную кровь исцелять,
Боль с ломотой уничтожать.
Отныне довеку. Аминь.*

Немало знахарок живет по Сибири.
У Бутрихи здесь, в Прииртышье, почет.
Лежит полумертвый
раб божий Порфирий,
Лишь признаки жизни едва подает.

Но Бутриха знает: затянутся раны!
 Наварит отвара из редкостных трав,
 Возьмет у вечерней зари Маремьяны
 Ключи от стрельбот
 на болящий сустав.

– Не знай ни щипот,
 ни ломот, ни болезней,
 Ни скорби, как матушка белая печь!
 Весь силой налейся,
 железной, полезной,
 Скинь груз неподъемный
 с расправленных плеч.

И все же везуч был
 Порфирий Петрович!
 Хоть пожил недолго он
 вольно и всласть,
 За жизнь рассчитался он
 малою кровью,
 Другим не простила Советская власть.

Кому-то на жизнь не оставила шансов.
 Узнало казачество «красный террор».
 Исчезла в станице фамилия – Чанцев,
 Их двух расстреляли,
 спустившихся с гор.

В тот год не плели на колесах турысы –
 Под корень!
 Изранив кормящую мать,
 Младенца – на штык,
 чтоб казак Сенотрусов
 Узнал – на кого он пошел воевать!

Во двор к Шульгиным
 шли вагатою пьяной:
 Поймать не сумела трехлетку-быка –
 И насмерть плетью заporоли Татьяну,
 Так выместив злобу жене казака.

А в сердце восстания –
 в Большенарыме,
 Как будто к зиме наготовлено дров –
 Устелено грудами было крутыми
 Порубленных,
 стреляных там казаков.

К зиме губревком
 информировал жестко,
 В станицах кровавый собрав «урожай»:
 «Осталось два-три старика
 да подростка,
 Мужчины – кто в горы ушел,
 кто в Китай,
 А часть уничтожена...»

4. МЕТЕЛЬ

Метель разъярялась и била с размаха
 По окнам.

Буранное море текло.
 В домах выдувало, и стынь росомахой
 В дома забиралась, воруя тепло.

Метель бесконечною белой стеною
 Гнала косяки племенных кобылиц
 Снегов белогривых.

И ранней зимою
 Пахнуло на улицы сел и станиц.

Возвышенна, глухо молчит колокольня,
 В ней колокол сбит,
 чтоб не били в набат.

И только лишь сны о казачьем раздолье
 Ночами лелеют запуганных баб.

Бывало, прольется тягуче, медово,
 Звенящее чудо, как солнечный дар.
 Стоял на всенощной

с самим Соколовым
 Поклонный, лампасный,
 родной Чистый Яр.

Все вместе – купцы и народ небогатый
 Стояли, сплоченные верой одной.
 Что птиц сизокрылых,

звонарь глуховатый
 Пасхальные звоны пускал над рекой.

Из Большенарыма неслось, издалека.
 Трезвонила церковь Николы в Батах.
 И эхо бродило в ущельях глубоких,
 И долгие звоны носило в горах.

Где жил Соколов, –
 словно хищная птица,
 Кровавое знамя над тусклым коньком.
 Не спится чекисту, гудят половицы
 Под твердым скрипучим его сапогом.

Дымит керосинка. Мосласто, плечисто
 Вздывается тень у него за спиной.

Он в мать-перемать костерит...
 – Коммунисты!

Прочешем заимки,
 начнем с Шульгиной.

Покуда снега позволяют пробиться,
 Мы им не дадим отсидеться в глуши!
 Оно, казачье, коммунистов боится,
 А битому псу только плеть покажи!

– Оно вроде правильно...

Токма берданы
 И ружья имеют, – встал Бойко Степан.
 На баб расторопна рука у Степана,
 Он носит в кармане холодный наган.

Порфирию Галкину
 родственник близкий,
 Он Галкиных сам бы извел уж давно.
 Порфирий не раз побывал
 в черном списке,
 Но, видно, Порфирию не суждено.

Степан выгребал из амбаров пшеницу,
 Любил поживиться в чужих сундуках.
 С вилами в пороге встречала сестрица,
 И трясся наган у Степана в руках.

– Ты сызмалу знаешь –
 я слов не бросаю,
 Шагнешь, запорю прямо здесь,
 на крыльце!

Тут пятился Степа и, дрожь унимая,
 Весь трясся и мигом менялся в лице.

Таким он и был, этот Степка-вояка:
 – Трубу им закрыть, как один угорят.
 – Не дело гуторишь! Надежней, однако,
 Когда пулеметы в бою говорят!

К тому же – не ждуть...
 Так что самое время!
 Врасплох эту сонную контру возьмем.
 По коням! –
 как знамя взлетело над всеми,
 Чекист черной тенью
 взлетел над конем.

Укутавшись снегом,
 дремала станица,
 И бабьи тревожные видела сны.
 Над яром, у речки, завыла волчица
 На диск помутневшей кровавой луны.

Вдали, за оврагом, откликнулась стая.
 Прощел нарастающий топот копыт.
 Стихает метель.

Над заимкой светает,
 Восток снегириною грудью горит.

Никто их не ждал
 этой гиблой метелью.
 Все спали вповалку в набитой избе.
 В углу, отдающем соломенной прелью,
 Пел песню старик о казачьей судьбе.

В ней столько печали
 скопившейся было!
 И сердце, познавшее горечь невзгод,
 Поныне от скорбных утрат не остыло,
 В той песне старинной искало исход.

Когда из дверей казаки выходили,
 Пахнуло соломой, ленивым теплом.
 Могутный старик
 с нерастраченной силой
 Едва проходил в неширокий проем.

Поля побелило тяжелой метелью.
 Над миром стояла вселенская тишь.
 Их выгнали к проруби за Сарабелью,
 Бурлил белопенно текучий Иртыш,

Как рыбина, рот тонкогубый разинув,
 Чернея утробой, дыша тяжело.
 Парило. Дома спозаранок покинув,
 На берег глядеть выходило село.

И пусть будет хлеб
нашей первой заботой,
Не пасынки мы, а родные сыны.
Мы это докажем достойной работой
Во благо и счастье великой страны!

7. ЮНЫЙ ВСАДНИК

Станицы полвека уже под водою,
По улицам плавают рыб косяки.
То с цепью поднимут, а то с бороною
Свой невод тяжелый наверх рыбаки.

Гармонь не сыграет, и звонкая песня
Уже не раздастся на улицах тех,
Уже не промчится
со «сполохом» вестник,
Ни свадеб гулянья, ни девичий смех.

Как в шкурах деревья –
мохнаты от ила,
Колодцы, кустарники ил опушил.
На кладбище старом
кресты поносило,
Ржавеют оградки забытых могил.

Никто тех могил никогда не поправит,
Никто не посадит сосну и сирень,
Никто не заплачет по ним, не помянет,
Никто не придет к ним
в родительский день.

Лежит там мой прадед
с певуньей-прабабкой,
Ни солнцем согреть их,
ни ветром степным.

Цветов полевых положить бы охапку
К далеким могилам,
забытым, родным!

Люблю это море!
Когда от Зайсана
Порывистый ветер задует вдоль гор,
Поднимет волну этот бег урагана,
Вскипит,
оживет этот дикий простор.

Люблю угасанье,
затишье природы,
Душа от такой красоты –
через край:
В зеркальную гладь
превращаются воды –
В тех водах купает вершины Алтай.

Я в гору поднял неподъемную ношу,
Наполнив котомку насущным, родным.
Мой волос в пути обметала пороша,
А в путь выходил я еще молодым.

И сын мой подросток уж – рессора литая,
В одном он заметно обходит меня:
Откуда берется в нем удаль лихая,
Когда он стремглав оседлает коня?!

Холмами мой сын белочубый несется.
Польнью и мятой напитана степь!
И радость, и счастье,
и небо, и солнце!
И прадеда вижу в нем добрую крепь.

2010–2017 гг.

